

Сергей Николаевич Глинка

Из записок о 1812 году

Оригинал здесь -- <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/glinka1/glinka.html#p1>

Согласится каждый из наших соотечественников, что и малейшая подробность о необычайном времени, проявившемся в нашем Отечестве 1812 года, "должна быть драгоценна сердцу русскому"; но я не соглашусь в том, будто бы такая же подробность не обратит на себя внимание чужеземца. Дивные три года, 1812, 13, 14 и половина 15, не одному принадлежат народу. Провидение послало их в урок всему человечеству; в событиях их высказался весь мир исторический в объеме обширнейшем не для одного настоящего, но и для всех веков.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Из мыслей, слившихся с привычными движениями сердца, душа высказывает и показывает действия человеческие. От 1808 до 1812 года мысль о судьбе Отечества обладала душою моею. Наступила година действия, и та мысль проявилась деятельным стремлением к Отечеству. Итак, начинаю без оговорок.

ИЮЛЯ 11, 1812 Г., ТРИ ЧАСА УТРА

В достопамятный и бурный 1812 год жил я в переулке Тишине близ Драгомиловского моста. 11 июля на ранней заре утренней разбудил меня внезапный приход хозяйки дома. Едва вышел я к ней, она со слезами вскричала: "Мы пропали! Мы пропали!" -- и подала мне печатный лист. То было воззвание к первопрестольной столице Москве от 6-го июля из Полоцка. Прочитав воззвание, я сказал: "Благодарите бога, сударыня! Где заранее предвидят опасность, там примут и меры к отвращению ее. Будьте спокойны и молитесь богу!"

ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА ИЮЛЯ 11 1812 ГОДА

Наскоро одевшись, полетел я в Сокольники на дачу к графу Федору Васильевичу Ростопчину, поступившему вместо графа Гудовича на чреду Московского генерал-губернатора. Не слыша еще громкой вести о грозной опасности, исполинская Москва объята была сном и безмолвием. Тишина владевает на поверхности океана до воскипания волн: то же нередко бывает и с областями земными. Из недр глубокого безмолвия вылетает роковой удар грома; смотрим: откуда он грянул? Слышим новые удары и -- теремяся в недоумении. Поэт сказал:

"Кто дышит, не дремли!"

Это теперь излилось из души моей. А тогда спешил с одною мыслию; с мыслию -- отдать себя Отечеству за отечество. К графу приехал я в пять часов утра. Все уже в доме было в движении. Перед кабинетом графа застал я тогдашнего губернского предводителя Василия Дмитриевича Арсеньева и Аркадия Павловича Рунича, секретаря графа. Говорю Аркадию Павловичу, что мне нужно видеться с графом. "Нельзя, -- отвечал он, -- граф занят теперь совещанием с преосвященным Августином и с Петром Степановичем Валуевым (Тогдашним начальником Кремлевской экспедиции. (Прим. автора.))". -- Позвольте же мне по крайней мере оставить записку". Приветливо Аркадий Павлович подал мне бумагу, перо, и я написал: "Хотя у меня нигде нет поместья; хотя у меня нет в Москве никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженец московский, но где кого застала опасность Отечества, тот там и должен стать под хоругви отечественные. Обрекаю себя в ратники Московского ополчения и на алтарь Отечества возлагаю на триста рублей серебра".